

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Марина
БОЛДОВА

**МНИМАЯ
ВЛАСТЬ
БЕЗУМИЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Художественное оформление — *В. Давлетбаева*

Болдова, Марина Владимировна.

Б79 Мнимая власть безумия : [роман] / Марина Болдова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-17-187227-4

Полина, вернувшись после встречи с давней подругой Юлей в номер отеля, находит своего супруга мертвым. По счастливому совпадению, жестокое убийство расследует муж Юли майор Казаринов. И первый же вывод, к которому он приходит: убийца — женщина. Но кто она? Горничная, увалившаяся накануне, или любовница жертвы, с которой тот, как выяснилось, регулярно встречался в этом отеле. На первый взгляд мотива нет ни у одной. Но вскоре Полина узнает, что муж владел очень ценной картиной голландского живописца семнадцатого века. И ее местонахождение сейчас никому не известно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-187227-4

© Болдова М., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

На широкой кровати гостиничного номера, едва прикрытый шелковым покрывалом, лежал обнаженный мужчина. Он знал, что ровно в одиннадцать бесшумно откроется дверь, и войдет она. Из-за этой женщины, из-за их коротких, безумно страстных и опасных свиданий он отказался от многого. Да что там – от всего, к чему привык. Он обожал дочь, любил жену, почитал мать... и страдал, когда долго не видел любовницу.

Да, любовница ли она? Земная ли женщина? Или посланник дьявола, наркотик для слабеющей с возрастом плоти, дающий блаженство, сравнимое лишь с мучительным и сладостным безумием. При полной потере реального времени – как долго продолжается их сексуальный контакт, он не представлял. Собственно, само соитие длится мгновение, но до него женщина медленно, дразня, словно издеваясь, берет и отпускает его душу и плоть. Каждый раз, когда она бросает его в бездну, он ждет, что все, вот сейчас... но она легко отталкивает его от себя. Он стонет от разочарования, чуть не плача. Готовый молить, унижаться. Но она с усмешкой отворачивается. Но лишь для того, чтобы уже через несколько секунд легким прикосновением кончиков пальцев вернуть его себе во власть.

Он никогда не знает, сколько еще будет таких маленьких смертей и возрождений, прежде чем окончательно от-

ключится его разум, а женщина, нежно погладив его влажно разгоряченное тело, ускользнет с их ложа любви. Сразу же после мягкого щелчка дверного замка он погрузится в глубокий сон. Проснется заново рожденным, ничуть не сомневаясь, что, отдавая себя, она наполняет его душу блаженной энергией, а тело – силой.

Да, она дорого ему обходится. Каждый раз, когда он покупает ей в подарок очередной ювелирный шедевр, сердце истинного француза трепещет – не от жадности, нет, но от врожденной бережливости. Он вынужден тратить наследство, оставленное отцом – давно проданы виноградники, принадлежавшие многим поколениям их рода.

Но он не сможет жить без этой сумасшедшей женщины, просто умрет. Тихо скончается от тоски по ней.

Каждый раз, сидя в самолете, летящем в чуждую ему, непонятно странную и варварскую страну, он думает о том, что эта женщина не могла родиться нигде больше. Только если на другой планете...

Мужчина замер – шагов по коридору слышно не было, но то, что любовница за дверью, почувствовал остро. Тело обдало жаром, но пальцы рук и ног мгновенно заледенели. Это было предвкушение игры, где полной властью обладает лишь партнерша. Он никогда не знает, какой образ она выберет: школьницы с бантами в золотистых волосах или прокурора в мантии – за столько лет их не таких частых, как хотелось бы ему, встреч, повторений не было.

Мужчина с напряжением смотрел на дверь, которая открывалась медленно, буквально по сантиметрам. Затем, прикрыв веки, ждал едва слышимого щелчка замка...

Наконец он открыл глаза. И не смог скрыть удивленного возгласа – настолько нелепо в костюме химзащиты

выглядела она. Он даже нервно рассмеялся, пытаясь скрыть разочарование.

– У меня сегодня очень мало времени, дорогой, – как ему показалось, с угрозой произнесла любовница. Голос был с глухой хрипотцой, возможно, она простудилась? Или болезнь еще серьезнее? Тогда зачем все это...

– Не волнуйся, я не больна. Расслабься. Сегодня я не буду тебя мучить, конец наступит очень быстро.

Он лишь успел заметить блеск лезвия ножа, как после пришла острая боль. Потом еще вспышка и еще, до тех пор, пока не отключилось сознание.

Глава 1

– Алиса, который час? – прежде чем задать вопрос, Кира Владимировна повернулась к незатейливо выглядящему устройству, которому едва нашлось место на небольшом туалетном столике. Рядом со старинной лампой, часами в стиле барокко и шкатулкой чеканного серебра этот небольшой серый цилиндр смотрелся неуместно.

Кира Владимировна вздохнула. Сколько ни убеждала ее внучка, что не стоит отрываться от своего занятия и смотреть на «собеседницу», мол, та и так прекрасно слышит голос, Кира Владимировна никак не могла привыкнуть, что ее вежливость «Алиса» не оценит.

– Бог мой, Кира, «Алиса» – не человек! – уже с нескрываемой досадой в очередной раз делает замечание Соланж, округляя глаза.

– Детка, я привыкну, – смиренно отвечает Кира Владимировна. При этом она невольно бросает виноватый взгляд на «Алису».

Более того, с тех пор как Соланж подарила ей это современное интеллектуальное чудо, Кира Владимировна ни на минуту не чувствует себя в одиночестве. И уж совершенно определено можно было бы признаться, что она испытывает некий дискомфорт от одного лишь присутствия постороннего разума в ее комнате. Но как раз признаться в этом Кира Владимировна не может – имея высшее экономическое образование, жаловаться на электронное устройство, черпающее знания из Всемирной паутины, было бы форменной нелепостью.

– Десять часов двенадцать минут, – ответил приятный женский голос.

– Алиса, благодарю, – машинально произнесла Кира Владимировна, встала с кресла, взяла мобильный и направилась к выходу: даже говорить по телефону при «Алисе» она не могла.

– Всегда рада помочь, – донеслось вслед.

Кира Владимировна плотно закрыла за собой дверь в спальню, облегченно вздохнула и, отойдя на несколько шагов, позвонила внучке.

«Абонент не отвечает», – в который раз за сегодняшнее утро произнес еще один приятный женский голос.

«Это черт знает что такое!» – разозлилась Кира Владимировна, точно не зная на кого – то ли на внучку, которую носит где-то со вчерашнего вечера, то ли на дочь Полину, которая, оставив Соланж с ней, вдруг собрала вещи и вернулась к мужу-французу Филиппу Лафару, а спустя неделю после отъезда перестала выходить на связь. Кира Владимировна могла бы обеспокоиться, но, зная Полину, надеялась, что и на этот раз дочь не звонит потому, что у нее «все хорошо».

Эта фраза в их общении на самом деле означала одно – «даже если что и... я сама справляюсь, мама, не лезь», потому что все хорошо у Полины быть не могло. Дочь Киры Владимировны была пессимисткой, у которой всегда к хорошему было припасено «но».

«Какой чудесный насыщенный цвет!» – с восхищением восклицает Поля, беря в руки подаренный Кирой Владимировной шифоновый шарфик. И тут же с озабоченностью добавляет: «Тебе не кажется, он дает синюшный отблеск на лицо? Нет, пожалуй, не мое... Но спасибо, мамочка!»

Виноватая улыбка, мелькнув, исчезает, дочь, оставив подарок, быстро меняет тему разговора. Или же, легко прикоснувшись губами к щеке матери, уходит прочь.

Кира Владимировна старается обиду давить в зародыше – дочь ее, плоть от плоти, внешне похожа очень, но особенной любви, к стыду своему, Полине не испытывает. Может быть потому, что родила рано, когда сама была еще девчонкой? И беременность была нежеланной...

Кира Владимировна прислушалась – кто-то пытался вставить ключ в замок, но явно безуспешно. Она поторопилась в прихожую.

Когда она дошла до входной двери, та распахнулась ей навстречу. Через порог перешагнула Соланж и, не удержав равновесия, плюхнулась на пуфик. Прислонив голову к стене, внучка старательно пыталась сфокусировать взгляд.

– Ругать будешь, Кира? – с тоскливым надрывом произнесла Соланж и заплакала.

Кира Владимировна растерялась. Что делать с пьяной в стельку девицей – она не представляла. Не было в ее жизни рядом алкоголиков, даже умеренно пьющих. Ни отец, ни мачеха, ни братья, ни оба ее мужа никогда не позволяли себе напиться, и она привыкла к слегка повеселевшей в застолье компании, а не к...

– Это черт знает что такое! – скорее с недоумением, чем со злостью, как немногим ранее, произнесла она и, кое-как подхватив внучку за талию, помогла той встать с пуфика. Соланж, с трудом переставляя ноги, цепляясь за стены и что-то бормоча на родном языке, двинулась в сторону своей спальни.

На кровать она улеглась, скинув только мокасины, и тут же свернулась клубочком и закрыла глаза.

Кира Владимировна постояла возле нее, не зная, что и думать о такой экстремальной для хорошо воспитанной

внучки выходке. Потом, накинув на спящую девушку плед, вышла в коридор и в бессилии прислонилась к закрытой за собой двери. Сердце билось неровными толчками, а мысли, роившиеся в голове, вызывали только панику. Кира Владимировна поняла, что приближается приступ, в голове усилился шум, потемнело в глазах. Так, в полуобмороке, она добралась до своей комнаты.

Больше всего она боялась, что без Полины с Соланж не справится. Она понимала, что у девушки, выросшей в другой стране, могут быть свои понятия о том, что можно. Начни Кира Владимировна воспитывать взрослую уже девицу, может возникнуть конфликт. А она всегда боялась даже мелких ссор.

– Алиса, что мне делать?! – совершенно отчаявшись понять, что происходит, спросила Кира Владимировна.

Ответ бездушного разума ее добил.

– Кира, вы можете подумать о себе. Или заняться чем-то полезным, например, связать внучке милую шапочку, – проворковала та и замолчала.

– Алиса, благодарю за совет, – мрачно произнесла Кира Владимировна, сдерживая желание выдернуть блок питания устройства из розетки.

– Всегда рада помочь, – донеслось бодрое в ответ, а Кира Владимировна внимательно посмотрела на серый цилиндр со светящимися цифрами, показывающими время. И ей показалось, что цифры эти на какое-то мгновение сложились в символический издевательский оскал.

Кира Владимировна подошла к комоду, единственной добротной вещи, оставшейся от первой свекрови. Посмотревшись в овальное зеркало на стене, она вздохнула. С тех пор, как вернулась дочь, седых волос прибавилось

заметно. И хотя все такими же яркими оставались зеленые глаза, гладкой, без глубоких морщин, кожа, серебристые пряди в некогда золотисто-рыжих волосах выдавали возраст.

Кира Владимировна уже почти успокоилась, на этот раз обошлось без лекарств, и слава богу.

Она старалась не нарушать договоренность с дочерью не звонить той, если не случилось ничего смертельно страшного. Полина объяснила свою просьбу ограничить звонки во Францию, используя при этом железный аргумент – она все равно на таком расстоянии ничем помочь не сможет.

«Мама, лучше подключи к решению проблемы своего мужа. Зачем-то ты вышла замуж? Не только же для того, чтобы иметь этот статус, так? Пусть Леонид Маркович проявит свои самые лучшие мужские качества и поможет любимой жене. Или я не права?» – произнесла она, как показалось Кире Владимировне, с насмешкой.

Она ничего не ответила Полине, молчанием признавая ее правоту.

Да, она понимала, что со стороны ее второй брак выглядел по меньшей мере странным. Но всегда считала, что отношения с Леонидом касаются лишь их двоих. А оказалось, что нет. Впрочем, и ее брачный союз с первым мужем Николаем Радовым окружающие тоже считали мезальянсом...

Кира Владимировна выдвинула верхний ящик комода. Он был не более пяти сантиметров в глубину и практически бесполезен, но имел одну особенность: двойное дно. Убрать тонкую дощечку представлялось возможным, подцепив кончиками пальцев едва заметные металлические

рычажки в ближних уголках ящичка. Открывалось углубление, разделенное перегородками на несколько частей. Дно его было обито синим бархатом, почти целиком вытертым до основы.

Комод принадлежал еще матери свекрови Анне Вальтер. И, наверное, когда-то здесь был тайник для драгоценностей, каких у светской красавицы было немало. Свекровь Киры Амалия Вальтер-Радова лишь однажды откровенно поделилась с ней воспоминаниями о своем детстве и юности. С ее слов, у них была очень счастливая семья. Ровно до дня ареста родителей и брата в тридцать девятом году. И хотя, говорила Амалия об этом спокойно, неподвижный взгляд, направленный в этот момент на семейный портрет, выдавал глубоко затаенную боль. Эта боль тогда передалась и Кире, и хотя они обе не проронили ни слезинки, этот их тихий разговор в сумеречно серой комнате сблизил невестку и свекровь еще больше. Выросшая с мачехой, Кира, выйдя за Николая Радова, нашла в матери мужа близкую ей душу. И неизвестно, как долго продлился бы неравный брак Киры и Николая, если бы не мудрость этой миниатюрной, рано поседевшей от горьких потерь, но сильной духом женщины.

Свекра Кира Владимировна не застала, тот, будучи кадровым военным, умер от ран в конце Великой Отечественной войны, успев только посмотреть на новорожденного сына.

Совсем молоденькая Кира, только переступившая порог дома Радовых, не могла понять Николая, который о родителях говорил очень сдержанно, даже с неудовольствием. Она до сих пор не может с уверенностью сказать, любил ли сын мать, гордился ли отцом-героем. Не раз она пыталась

вызвать его на откровенность, но муж всегда уходил от разговора. Мягко уводил в сторону, вроде бы шутливо, но так, что ей становилось ясно – она затронула не ту тему. Киру же ранняя беременность сделала чувствительной, она видела, как переживает свекровь из-за холодности сына. И ей хотелось дать той хоть капельку тепла и любви.

Можно сказать, что муж, который был старше Киры на двадцать два года, заменил ей отца, она по-своему любила его, но свекровь уважала и почитала чуть не как святую...

Кира Владимировна вынула из тайника фотографию мужа. Привычка вести немой диалог с ним, глядя на снимок, появилась сразу же после его гибели. Только фото держать в тайнике поначалу необходимости не было, она использовала его как закладку в книге, которую в данный момент читала. Чтобы оно было всегда под рукой. Но спустя семь лет вдовства, Кира вновь оказалась замужем, до конца так и не осознав, как это произошло. Жили они в доме Киры, и она как-то раз заметила, что Леонид держит в руках фото Николая. Почему-то ей стало неприятно, словно новый муж прикоснулся к тайному, чем она делиться с ним готова не была. Тогда Кира и убрала фотографию Николая в комод.

– Николаша, что происходит с нашими девочками? Поля молчит, Соланж напилась. Этому должна быть причина! Я думаю, во всем виноват Филипп, он вновь вторгся в их жизни! Что за негодяй, прости господи! Ни совести, ни чести! Он уже столько бед принес им, Поля только что, кажется, оттаяла. И вдруг – это ее возвращение в Париж. Тебе не кажется это странным? – Кира Владимировна провела ладонью по снимку, словно сметая невидимую пыль. – Да, да, именно странным... – задумчиво произнесла она.

Ее «беседу» прервала трель мобильного телефона. Она ответила на видеозвонок: с экрана, без улыбки, слегка нахмутив брови, смотрела дочь.

– Слушаю тебя, Полиночка, ну наконец-то! Я так рада тебя видеть! – Кира Владимировна бросила благодарный взгляд на фотографию бывшего мужа. Уже в который раз в ответ на ее монолог приходило что-то значительное: если и не решение вопроса, то подсказка.

– Мама, подожди радоваться. Филипп мертв. Я не знаю что делать.

– Во-первых, не паниковать. Ты сообщила его брату и матери?

– Да. Они прилетят ночью. Я встречу их во Внуково.

– Так ты в России, Поля?!

– Ну конечно! Ты разве не поняла по звонку? Мы с Филиппом прилетели вчера. Почему ты не спрашиваешь, как он умер?! Тебе все равно?!

– Я жду, когда ты сама расскажешь, – стараясь говорить ровно, произнесла Кира Владимировна, хотя, что греха таить – судьба зятя ее волновала мало.

– Филиппа убили. Я вернулась в номер гостиницы после встречи с Борской, ты помнишь Юльку, мам? То есть сейчас она Казаринова по мужу...

– Да, конечно, – удивилась вопросу Кира Владимировна – как она могла не помнить о дочери своей давней подруги Елены?

– Филипп лежал в луже крови на кровати! Совершенно голый!

– Тебя подозревают?

– Ты что?! Я ушла из номера около одиннадцати часов вчера... впрочем, неважно, то есть важно, для полиции, это